

Конвенция о правах ребенка

Distr.: General
2 November 2020
Russian
Original: English

Комитет по правам ребенка

Решение, принятое Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, в отношении сообщений № 79/2019 и № 109/2019** ***

<i>Сообщения представлены:</i>	Л.Х., Л.Х., Д.А., К.Д. и А.Ф. (представлены адвокатом, г-ном Праделем)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	С.Х., М.А., А.А., Ж.А., А.А., Р.А., Л.Ф., А.Ф., С.Ф., Н.Ф. и А.А.
<i>Государство-участник:</i>	Франция
<i>Даты сообщений:</i>	13 марта и 25 ноября 2019 года (первоначальные представления)
<i>Дата принятия решения:</i>	30 сентября 2020 года
<i>Тема сообщения:</i>	репатриация детей, родители которых связаны с террористической деятельностью; специальные меры защиты; право на жизнь; доступ к медицинской помощи; незаконное содержание под стражей
<i>Процедурный вопрос:</i>	экстерриториальная юрисдикция
<i>Статьи Конвенции:</i>	2, 3, 6, 20, 24 и 37
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	пункты 1 и 2 статьи 5 и пункты е)–f) статьи 7

1.1 Авторами сообщений являются Л.Х., Л.Х. и Д.А., действующие от имени своих внуков (С.Х., 2017 года рождения; М.А., 2013 года рождения; А.А., 2014 года рождения; Ж.А., 2016 года рождения; А.А., 2017 года рождения; Р.А., 2018 года рождения), и К.Д. и А.Ф., действующие от имени Л.Ф., 2003 года рождения; А.Ф., 2006 года рождения; С.Ф., 2011 года рождения; Н.Ф., 2014 года рождения; и А.А., 2017 года рождения. Все дети являются гражданами Франции, чьи родители предположительно сотрудничали с так называемым Исламским государством Ирака и Леванта (ИГИЛ). Некоторые из этих детей родились в Сирийской Арабской Республике, а другие прибыли туда вместе со своими родителями в раннем возрасте. В настоящее время они содержатся в лагерях Родж, Айн-Исса и Аль-Хол в Сирийском

* Переиздано по техническим причинам 20 октября 2022 года.

** Принято Комитетом на его восемьдесят пятой сессии (14 сентября — 1 октября 2020 года).

*** В рассмотрении сообщений принимали участие следующие члены Комитета: Сюзанна Ахо Ассума, Хинд Аюби Идрисси, Браги Гудбрандссон, Филип Джаффе, Ольга А. Хазова, Гехад Мади, Беньям Давит Мезмур, Отани Микико, Луис Эрнесто Педернера Рейна, Хосе Анхель Родригес Рейес, Анн-Мари Скелтон, Велина Тодорова и Рената Винтер.

Курдистане, которые находятся под контролем курдских сил. Авторы утверждают, что правительство Франции не приняло необходимых мер для репатриации детей во Францию, что, по их мнению, является нарушением статей 2, 3, 6, 20, 24 и 37 Конвенции. Авторы представлены адвокатом. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 7 января 2016 года.

1.2 27 марта и 4 декабря 2019 года в соответствии со статьей 6 Факультативного протокола Рабочая группа по сообщениям, действуя от имени Комитета, отклонила просьбу авторов о принятии временных мер, предусматривающих репатриацию детей во Францию. Вместе с тем Комитет обратился к государству-участнику с просьбой принять дипломатические меры, необходимые для обеспечения защиты права на жизнь и неприкосновенность детей, включая доступ к любой медицинской помощи, в которой они могут нуждаться.

Факты в изложении авторов сообщения

Сообщение № 79/2019

2.1 По словам авторов, в апреле 2016 года родители С.Х. выехали из Франции в Сирийскую Арабскую Республику, чтобы присоединиться к джихаду. 14 ноября 2017 года в Сирийской Арабской Республике родился С.Х. 21 января 2018 года семья попыталась покинуть Сирийскую Арабскую Республику, но была задержана курдскими ополченцами. С.Х. и его мать были разлучены с отцом и с тех пор содержатся в лагере Айн-Исса, который находится под контролем курдских военных формирований. Матери С.Х. удалось связаться со своими родителями во Франции и рассказать о плачевных санитарных условиях, в которых они живут с сыном.

2.2 М.А. родился во Франции 7 января 2013 года. 17 мая 2014 года М.А. и ее родители уехали из Франции в Сирийскую Арабскую Республику. В Сирийской Арабской Республике мать М.А. родила еще четырех детей: А.А., родился 7 июня 2014 года; Ж.А. родился 7 февраля 2016 года; А.А. родился 5 апреля 2017 года; и Р.А. родился 30 октября 2018 года. 30 октября 2017 года бабушка М.А. потеряла связь с дочерью и внуками. В конце ноября 2018 года мать М.А. сумела восстановить контакт с бабушкой и сообщила ей, что в течение семи с половиной месяцев курдские силы держали ее в тюрьме вместе с ее пятерыми детьми и что в настоящее время они находятся в лагере Родж. Она также сообщила ей об очень тяжелых условиях содержания в лагере и отсутствии медицинской помощи. Ж.А. страдает от приступов астмы, а А.А. — от сильных болей в животе.

Сообщение № 109/2019

2.3 Л.Ф., А.Ф. и С.Ф. родились во Франции соответственно в 2003, 2006 и 2011 годах. По словам авторов, родители детей постепенно радикализировались и покинули Францию вместе с детьми, отправившись сначала в Иорданию в августе 2012 года, затем в Египет в мае 2013 года, а 23 ноября 2013 года — в Сирийскую Арабскую Республику. В Сирийской Арабской Республике 2 мая 2014 года у них родился четвертый ребенок — Н.Ф. После смерти отца их мать вышла замуж за гражданина Сирийской Арабской Республики, который впоследствии также скончался. А.А. родился от второго брака 18 января 2017 года. 31 мая 2019 года мать детей сообщила своим родителям, что она находится в Сирийской Арабской Республике, в лагере Родж, вместе со своим младшим сыном А.А. Остальные четверо детей сначала нашли приют в семье ее второго мужа, а затем, в августе 2019 года, были переведены в лагерь Родж. Мать детей получила серьезную травму правого уха во время бомбардировок, полностью оглохнув на это ухо. А.Ф. получил травму левой ноги, требующую реабилитации. Ни один из них не получил необходимой медицинской помощи, которая недоступна в лагере. Авторы поддерживают постоянный контакт со своей дочерью (матерью детей) и внучкой Л.А. по телефону и через социальные сети. Авторы опасаются, что 16-летняя Л.А. может быть выдана замуж против ее воли.

Оба сообщения

2.4 Авторы подчеркивают, что они постоянно информировали государство-участник об изменениях в ситуации их детей и внуков, а также об их местонахождении в Сирийской Арабской Республике.

Общий контекст в изложении авторов

2.5 Авторы утверждают, что с начала 2018 года ряд граждан Франции бежали из ИГИЛ и сдались курдским войскам в Рожаве, автономной курдской территории на северо-востоке Сирийской Арабской Республики, в надежде вернуться во Францию. Среди этих лиц есть родители, которые в настоящее время содержатся вместе со своими детьми в лагерях Аль-Хол, Айн-Исса и Родж. Дети в лагерях не имеют никаких документов, подтверждающих их содержание в лагерях, и к ним не применяются никакие местные юридические процедуры, поскольку Сирийский Курдистан не является государством. Власти Сирийского Курдистана предупредили французские власти о том, что они не будут предпринимать никаких процессуальных действий или издавать распоряжений в отношении содержащихся в лагерях лиц.

2.6 9 октября 2019 года правительство Турции начало военное наступление на курдские силы в Рожаве после ухода оттуда войск Соединенных Штатов. Боевые действия, воздушные налеты и артиллерийские обстрелы в северо-восточной части Сирийской Арабской Республики привели к гибели нескольких десятков гражданских лиц, а также к перемещению еще тысяч людей в районы, прилегающие к сирийской границе. По данным курдских властей, 785 членов ИГИЛ, среди которых были женщины и дети французского происхождения, бежали из лагеря Айн-Исса, который в то время не охранялся¹. 13 октября курдские силы заключили с правительством Башара Асада соглашение о разворачивании сирийских вооруженных сил вблизи границы с Турцией в целях отражения наступления². 22 октября Турция пообещала не возобновлять свое военное наступление на севере Сирийской Арабской Республики в обмен на обязательство Российской Федерации обеспечить отвод курдских сил от границы³. 30 октября было объявлено о полном выводе курдских сил из граничащих с Турцией северных районов Сирии⁴. Однако вопрос о контроле над курдскими лагерями не поднимался. Таким образом, хотя лагеря на севере Сирийской Арабской Республики в настоящее время находятся под контролем курдских сил, эта ситуация, вероятно, изменится, что внесет неопределенность в судьбу всех находящихся там французских граждан, в том числе детей (которых, по оценкам, насчитывается от 270 до 320)⁵.

По вопросу репатриации

2.7 В начале 2018 года лидеры сирийских курдов неоднократно выражали желание, чтобы все иностранные граждане, содержащиеся в лагерях, были репатрированы в государства, гражданами которых они являются⁶. На дату первоначального сообщения такие государства, как Канада, Нидерланды, Португалия и Российская Федерация, организовывали репатриацию своих граждан. Глава курдской судебной системы Абдулбассет Ауссо подчеркнул, что иностранные джихадисты должны предстать перед судом в своих странах и что государства происхождения должны взять на себя ответственность за своих граждан. Организация «Хьюман райтс уотч» также напомнила, что женщинам, возвратившимся в Ирак и Сирийскую Арабскую

¹ Le Nouvel Observateur and Agence France Presse, “Syrie: près de 800 proches de membres de l’EI ont fui un camps de déplacés”, 13 October 2019.

² Radio France International, “Syrie: accord entre les Kurdes et Damas contre l’offensive turque”, 13 October 2019.

³ Там же, “Syrie: ce que prévoit l’accord conclu par Poutine et Erdogan”, 22 October 2019.

⁴ L’Express and Agence France Presse, “Les Kurdes ont achevé leur retrait du nord de la Syrie”, 30 October 2019.

⁵ Anne-Bénédicte Hoffner, “En Syrie, l’avenir incertain des djihadistes français”, La Croix, 29 October 2019.

⁶ Gwendoline Debono, “Syrie: les Kurdes ne veulent plus garder les djihadistes français de Daech”, Europe1, 13 April 2018.

Республику, курдские власти не предъявили никаких официальных обвинений в совершении преступлений, оставив их на своей территории при том понимании, что государства их происхождения репатрируют их.

2.8 В марте 2018 года руководитель аппарата президента Франции Эммануэля Макрона ответил авторам сообщения, что находящиеся в Ираке или Сирийской Арабской Республике французские несовершеннолетние граждане имеют право на защиту государства и могут получать уход в соответствии с правилами, касающимися защиты несовершеннолетних и репатриированных лиц, при условии, что местные власти исключат возможность привлечения их к уголовной ответственности. Кроме того, в начале 2018 года президент заверил в том, что ситуация каждого из этих детей будет рассматриваться в индивидуальном порядке. Несмотря на эти заявления, государство-участник не приняло никаких конкретных мер для защиты или репатриации французских детей, произвольно содержащихся под стражей в Сирийском Курдистане. Письмом от 26 февраля 2019 года руководитель аппарата президента отказался разрешить репатриацию детей, представляемых авторами. Авторы подчеркивают, что государство-участник, тем не менее, поддерживает регулярные контакты с представителями курдских сил в Рожаве, которые, хотя и не имеют своего государства, имеют постоянное представительство в Париже. Курдские власти уже дали ясно понять, что у них нет средств для того, чтобы обеспечивать питание и уход французским женщинам и детям, находящимся в лагерях Родж, Айн-Исса и Аль-Хол в Сирийском Курдистане.

Гуманитарные условия содержания детей в лагерях

2.9 Авторы подчеркивают, что находящиеся в лагерях, контролируемых курдскими силами, дети, многие из которых моложе шести лет, с трудом выживают, находятся в зоне боевых действий, сталкиваются с бесчеловечными санитарными условиями и не имеют возможности удовлетворять свои основные потребности (в воде, продуктах питания и медицинской помощи), что грозит для них опасностью ущерба для здоровья или гибели⁷. Они живут в палатках в крайне тяжелых условиях. Авторы отмечают, что, по данным Всемирной организации здравоохранения, по крайней мере 29 детей в лагере Аль-Хол умерли от переохлаждения зимой 2018–2019 годов, когда их семьи бежали из последнего оставшегося лагеря ИГИЛ⁸.

Исчерпание внутренних средств правовой защиты

2.10 Авторы отмечают, что они несколько раз безуспешно обращались к государству-участнику с официальными ходатайствами о репатриации детей.

2.11 Авторы утверждают, что внутренние средства правовой защиты государства-участника являются недоступными и неэффективными в контексте всех ходатайств о защите и/или репатриации детей и их матерей. Суды заявят об отсутствии у них необходимой юрисдикции, поскольку Административный суд Парижа объявил об отсутствии у него компетенции рассматривать ходатайства о применении временных мер, считая, что предметом жалобы является дипломатический вопрос, а не административная ответственность государства-участника. Таким образом, решение об осуществлении мер защиты было охарактеризовано Административным судом как «акт правительства», который выходит за рамки компетенции административного суда. Таким образом, ни один французский суд не будет обладать юрисдикцией для вынесения решения относительно позиции Франции по отношению к французским детям, содержащимся в курдских лагерях.

⁷ Luc Mathieu and Chloé Pilorget-Rezzouk, “Jihadistes et leurs familles: le défi du retour”, *Libération*, 31 January 2019; Sophie Parmentier, “Enfants de djihadistes en Syrie: ‘Il faut les sauver, et il y a urgence!’”, 27 December 2018.

⁸ Le Figaro and Agence France Presse, “Syrie, le froid hivernal a tué 29 enfants (ONU)”, 31 January 2019.

Юрисдикция государства-участника

2.12 В сообщении № 109/2019 авторы утверждают, что «единственной причиной» продолжающегося нахождения детей в лагерях под контролем курдских сил, является решение Франции не репатриировать их. Авторы также утверждают, что в некоторых обстоятельствах государство-участник может осуществлять свою юрисдикцию экстерриториально. Эта возможность подтверждается значительным числом дел, рассматривавшихся в Европейском суде по правам человека, где можно выделить две ситуации:

а) действия, совершаемые за пределами национальной территории: когда лица, находящиеся за пределами национальной территории, пользуются правами, гарантированными Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека), в результате «экстерриториальных действий государства», как, например, в случае военной интервенции на иностранной территории;

б) действия, имеющие последствия за пределами национальной территории: когда лица, находящиеся за пределами национальной территории, пользуются правами, гарантированными Европейской конвенцией о правах человека, в результате чисто национальных действий государства, направленных на них и непосредственно затрагивающих их правовое положение⁹.

2.13 Авторы утверждают, что это различие закреплено в прецедентном праве Европейского суда по правам человека¹⁰. Кроме того, Европейский суд по правам человека постановил, что ходатайство об экстрадиции, направленное одним государством властям другого государства, устанавливает юрисдикционную связь между государством, направившим ходатайство, и лицом, которого оно касается. Таким образом, действие, совершенное исключительно на национальной территории, может рассматриваться как осуществление юрисдикции по смыслу статьи 1 Европейской конвенции о правах человека¹¹. В деле *Нада против Швейцарии* решения административных властей не разрешить въезд индивида на национальную территорию привели к возникновению юрисдикционной связи с этим лицом. Следовательно, государство может осуществлять свою юрисдикцию по смыслу статьи 1 Европейской конвенции о правах человека, когда посредством действий, предпринимаемых на своей территории, оно непосредственно влияет на положение лиц, находящихся за пределами его национальной территории¹². Такое толкование согласуется с нормами международного публичного права, поскольку оно признает существование конкретной правовой связи между государством и его гражданами. Юрисдикция государства определяется как «его законное право действовать и, следовательно, как его право решать, действовать ли ему и если да, то с использованием каких инструментов — законодательных, исполнительных или судебных», и считается, что государство обладает юрисдикцией в отношении своих граждан, где бы они ни находились¹³. Авторы добавляют, что такой анализ вписывается в рамки той очень широкой юрисдикции, которой обладают французские

⁹ «Экстерриториальное применение требует не экстерриториальных действий государства, а только того, чтобы соответствующее лицо находилось за пределами территории государства, в то время как ущерб его правам может быть причинен и внутри государства», Marko Milanovic, *Extraterritorial Application of Human Rights Treaties: Law, Principles and Policy* (Oxford University Press, 2011), p. 8.

¹⁰ European Court of Human Rights, *Ilaşcu and others v. Moldova and Russia*, application No. 48787/99, judgment of 8 July 2004, para. 314; *Drozd and Janoušek v. France and Spain*, application No. 12747/8726, judgment of 26 June 1992, para. 91; *Sejdovic v. Italy*, application No. 56581/001, judgment of 1 March 2006.

¹¹ Авторы ссылаются на решение European Court of Human Rights, *Stephens v. Malta* (No. 1), application No. 11956/07, judgment of 21 April 2009.

¹² European Court of Human Rights, *Nada v. Switzerland*, application No. 10593/08, judgment of 12 September 2012, paras. 121–122.

¹³ Bernard H. Oxman, “jurisdiction of States”, entry in *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*; European Court of Human Rights, *Cyprus v. Turkey*, application No. 25781/94, judgment of 10 May 2001.

власти для преследования предполагаемых исполнителей уголовных преступлений, совершенных за рубежом¹⁴, в целях защиты французских граждан.

2.14 Авторы добавляют, что решение отказать в удовлетворении их ходатайств не было обосновано какой-либо материальной или юридической невозможностью осуществить репатриацию. Авторы подчеркивают, что содержание под стражей детей не стало прямым следствием контроля властей на северо-востоке Сирийской Арабской Республики над лагерями и отдельными лицами, о которых идет речь; «единственной причиной» их содержания под стражей стали меры, принятые государством-участником, а именно решения не репатриировать детей и их матерей. Тем не менее с марта 2019 года¹⁵ государство-участник репатриировало из Сирийской Арабской Республики не менее 17 французских детей, включая 15 сирот.

2.15 Авторы напоминают также, что в своем отношении к вопросу экстерриториальности Европейский суд по правам человека исходит из того, что государства-участники связаны со своими гражданами «узлами ответственности» за их судьбу в силу «решающего влияния», которое они оказывают на удерживающую их власть даже за пределами своей национальной территории — на территории другого государства¹⁶. Таким образом, Европейский суд по правам человека не требует прямого участия представителей государства-участника, но проверяет, среди прочего, «не принимало ли государство мер для предотвращения предполагаемых нарушений»¹⁷. Что касается конфликта в Ираке и Сирийской Арабской Республике, то государство-участник с 2015 года¹⁸ осуществляет вмешательство в северной части Сирийской Арабской Республики в рамках военной операции «Шаммал». Оно стабилизирует ситуацию в районах, освобожденных от контроля ИГИЛ в северной части Сирийской Арабской Республики¹⁹, а также занимается организацией «управления» на этих территориях. С этой целью Франция установила военное и дипломатическое партнерство с Сирийскими демократическими силами, в частности в процессе налаживания диалога с Турцией²⁰ в рамках «общей борьбы» с терроризмом. В этом контексте государство-участник также смогло репатриировать французских детей (см. пункт 5.5 ниже), выразив благодарность Сирийским демократическим силам за их сотрудничество, благодаря которому это стало возможным²¹. Кроме того, государство-участник оказывало поддержку ряду оппозиционных групп, в частности курдским группировкам, которые считаются надежными партнерами в борьбе против ИГИЛ²². Поэтому авторы утверждают, что государство-участник оказывает военно-

¹⁴ См. статьи 689–693 Уголовно-процессуального кодекса. См. также решение Уголовной палаты Кассационного суда по делу № 17-86.640 от 12 июня 2018 года, в соответствии с которым нормы французского уголовного права, касающиеся экстерриториальной юрисдикции и позволяющие непосредственным потерпевшим, имеющим французское гражданство, добиваться во Франции преследования лиц, совершивших преступление за рубежом, и выплаты компенсации за любой ущерб, причиненный в результате этого преступления, объясняются принципом, согласно которому Франция обязана обеспечивать защиту своих граждан (см. www.courdecassation.fr/jurisprudence_2/qpc_3396/1598_12_39336.html).

¹⁵ См. <https://uk.ambafrance.org/Rapatriement-de-12-enfants-mineurs-orphelins-ou-isoles>. См. также Elise Vincent and Nathalie Guibert, “La France a rapatrié de Syrie 5 enfants orphelins de djihadistes”, *Le Monde*, 15 March 2019.

¹⁶ European Court of Human Rights, *Ilascu and others v. Moldova and Russia and Sargsyan v. Azerbaijan*, application No. 40167/06, judgment of 16 June 2015, para. 128.

¹⁷ Ibid., *Ilascu and others v. Moldova and Russia*, para. 393.

¹⁸ См.

www.defense.gouv.fr/layout/set/print/content/download/523399/8773207/version/1/file/20170713+Dossier+de+presse+op%C3%A9ration+Chammal+FEV+18+VF.pdf. См. также резолюцию 2249 (2015) Совета Безопасности.

¹⁹ Defender of Rights decision No. 2019-129 of 22 May 2019 concerning the retention of French children and their mothers in the camps under the control of the Syrian Democratic Forces in northern Syrian Arab Republic.

²⁰ См. www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/03/30/entretien-du-president-de-la-republique-avec-une-delegation-syrienne.

²¹ См. www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/syrie/evenements/actualites-2019/article/communiqu%C3%A9-du-minist%C3%A8re-de-l-europe-et-des-affaires-%C3%A9trang%C3%A8res-15-03-19.

²² См. www.senat.fr/compte-rendu-commissions/affaires-etrangeres_archives.html#Session2019.

политическое влияние — а не только поддержку — на ситуацию в этом районе с точки зрения контроля за положением французских детей и их матерей, содержащихся под стражей Сирийскими демократическими силами, что вытекает из договорных обязательств, имеющих обязательную силу для Франции²³.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что своим бездействием государство-участник нарушает статьи 2, 3, 6, 20, 24 и 37 Конвенции о правах ребенка. Они утверждают, что государство-участник не смогло: принять позитивные меры для обеспечения уважения прав, закрепленных в Конвенции (ст. 2); гарантировать детям необходимую защиту и заботу в случае, если это не в состоянии сделать их родители или другие законные опекуны (ст. 3); обеспечить право на жизнь, а также выживание и развитие детей (ст. 6); обеспечить им особую защиту в условиях, когда они лишены семейного окружения (ст. 20); обеспечить доступ к медицинской помощи (ст. 24); и защитить их от незаконного содержания под стражей (ст. 37).

3.2 Авторы подчеркивают, что государство-участник было хорошо информировано о плачевных санитарных условиях, в которых оказались дети. Государству-участнику было также известно, что дети содержатся под стражей в районе вооруженного конфликта и что они рискуют погибнуть или их здоровью может быть нанесен серьезный ущерб, в том числе в силу того, что в лагерях отсутствует возможность получения какой-либо медицинской помощи, что, помимо угрозы прямого ущерба здоровью, повышает риск заболеваний, от которых некоторые из них уже пострадали. Авторы утверждают, что, несмотря на все это, государство-участник отказалось от принятия любых необходимых мер.

3.3 Авторы обращаются к государству-участнику с ходатайством: а) как можно скорее установить личность детей, родившихся во Франции или от французских родителей, находящихся в лагерях Аль-Хол, Айн-Исса и Родж; б) обеспечить детей питанием, водой и медицинским обслуживанием; в) репатриировать их на французскую территорию; г) оказывать детям помощь через службы защиты детей после их прибытия на территорию Франции; и е) в случае необходимости принимать любые другие меры для их защиты.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 В своих представлениях от 28 мая 2019 года и 5 февраля 2020 года государство-участник заявляет, что оба сообщения являются неприемлемыми по причине отсутствия *locus standi* и отсутствия у государства-участника юрисдикции в отношении детей.

4.2 Государство-участник ссылается на статью 5 Факультативного протокола и утверждает, что авторы не представили доказательства того, что они действуют с согласия детей или их матерей. Согласно государству-участнику, матери остаются законными опекунами детей, что означает необходимость получения их согласия, особенно в свете ходатайства о репатриации детей. В отношении сообщения № 79/2019 государство-участник добавляет, что авторы не представили никаких семейных документов, подтверждающих их связь с субъектами сообщения.

4.3 Государство-участник напоминает, что Комитет должен удостовериться в том, что под юрисдикцию государства-участника попадают указанные дети, а не авторы. Противоположный подход привел бы де-факто к приданию Конвенции универсальной применимости вопреки ее тексту. Государство-участник утверждает, что оно согласилось соблюдать права, изложенные в Конвенции, только в ситуациях, в которых оно может осуществлять свой суверенитет и юрисдикцию и над которыми оно, по всей вероятности, будет иметь эффективный контроль. Государство-участник добавляет, что оно не может нести ответственность за ситуации, которые оно не

²³ Defender of Rights decision No. 2019-129 of 22 May 2019.

создавало, над которыми оно не имеет эффективного контроля и которые вызваны действиями других государств или негосударственных субъектов.

4.4 Государство-участник ссылается на статью 29 Венской конвенции о праве международных договоров, решение Европейского суда по правам человека по делу *Банкович и другие против Бельгии*²⁴ и правовую практику Комитета против пыток²⁵. Оно утверждает, что в международном публичном праве концепция юрисдикции является прежде всего территориальной, если только иное намерение не явствует из договора или не декларируется иным образом, и что экстерриториальная юрисдикция государства проистекает из эффективного контроля, который оно может осуществлять за пределами своих границ²⁶. Государство-участник ссылается на судебную практику Европейского суда по правам человека²⁷, Международного Суда²⁸ и Межамериканской комиссии по правам человека²⁹ и напоминает, что для того, чтобы дети попали под юрисдикцию государства-участника, авторы должны доказать, что они находятся под эффективным контролем Франции либо через ее представителей, либо через местные органы власти, над которыми Франция должна иметь такой контроль, который фактически делал бы их зависимыми от нее.

4.5 В данном случае государство-участник отмечает, что авторы не представили никаких доказательств того, что Франция осуществляет эффективный контроль над лагерями в северо-восточной части Сирийской Арабской Республики. И наоборот, сами авторы признают, что дети находятся в руках и под контролем курдских сил. Государство-участник отмечает, что, во-первых, Франция не имеет никакого контроля или власти над детьми через своих представителей, поскольку лагеря в северо-восточной части Сирийской Арабской Республики находятся под исключительным контролем иностранных властей. Во-вторых, государство-участник отвергает утверждение, что Франция осуществляет территориальный контроль над лагерями на севере Сирийской Арабской Республики. Хотя Франция является одним из членов международной коалиции, которая поддерживает оперативное партнерство и контакты с Сирийскими демократическими силами в борьбе против ИГИЛ, это не означает, что она осуществляет эффективный контроль над лагерями в северо-восточной части Сирийской Арабской Республики. Не означает это и существования отношений зависимости, наделяющих Сирийские демократические силы функциями местной администрации. Такое толкование равнозначно распространению юрисдикции Франции на любую территорию, контролируруемую государством, с которым она поддерживает отношения или военное партнерство.

4.6 Касательно сообщения № 109/2019 государство-участник далее утверждает, что к вопросу об экстерриториальных последствиях внутреннего решения судебная практика, на которую ссылаются авторы, не имеет никакого отношения, поскольку она касается иных ситуаций и не позволяет говорить о наличии нового критерия осуществления экстерриториальной юрисдикции государством. По мнению государства-участника, авторы ошибаются, полагая, что между действиями, совершенными за пределами национальной территории, и действиями, приводящими к последствиям за пределами национальной территории, существует устоявшееся различие. В результате последних действий, по мнению авторов, под юрисдикцией государства-участника должны оказаться все лица за пределами территории этого

²⁴ Application No. 52207/99, decision of 12 December 2001, paras. 59 and ff.

²⁵ *Ройтман Розенманн против Испании* (CAT/C/28/D/176/2000 и Corr.1), п. 6.6; *3. против Австралии* (CAT/C/53/D/511/2012); *Агиза против Швеции* (CAT/C/34/D/233/2003).

²⁶ Государство-участник ссылается на совместное замечание общего порядка № 3 Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей/№ 22 Комитета по правам ребенка, п. 12. Замечание общего порядка № 31 (2004) Комитета по правам человека; European Court of Human Rights, *Al Skeini and others v. United Kingdom*, application No. 55721/07, judgment of 7 July 2011, para. 138; Inter-American Commission on Human Rights, *Djamel Ameziane v. United States*, 20 March 2012, para. 30.

²⁷ *Al Skeini and others v. United Kingdom*, para. 134.

²⁸ *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004*, p. 136, at p. 179, paras. 109–111.

²⁹ *Djamel Ameziane v. United States*, paras. 30–35.

государства, на которых эти действия окажут влияние. Поэтому государство-участник оспаривает аргумент о том, что Конвенция должна применяться к детям в связи с предполагаемым решением правительства Франции не репатриировать их. Таким образом, государство-участник подчеркивает, что Европейский суд по правам человека никогда не подтверждал принцип, согласно которому лица, находящиеся за пределами территории государства-участника, будут подпадать под юрисдикцию последнего только и исключительно в силу национального решения.

4.7 Что касается аргументов авторов о существовании юрисдикционной связи, то государство-участник утверждает, что авторы путают два понятия: согласно судебной практике Европейского суда по правам человека, юрисдикционная связь между заявителями и государством, на которое пытаются возложить ответственность, основывается не на гражданстве заявителей, а на факте возбуждения гражданского или уголовного дела в соответствии с внутренним законодательством. Более того, из принципов международного публичного права, практики Европейского суда по правам человека и положений Конвенции о правах ребенка, Международного пакта о гражданских и политических правах или любого другого договора не следует, что между юрисдикцией и гражданством существует связь. В этой связи государство-участник отмечает, что авторы путают понятие персональной юрисдикции государства — общепризнанных властных полномочий, которые государство осуществляет в отношении своих граждан за рубежом в силу наличия уз гражданства, — и понятие экстерриториальной юрисдикции государства — правовых условий, при которых государство может быть признано ответственным за действия, совершенные или повлекшие за собой последствия за пределами его границ. Поэтому у авторов нет оснований утверждать, что дети, содержащиеся под стражей в северо-восточной части Сирийской Арабской Республики, подпадают под юрисдикцию государства-участника исключительно на том основании, что они имеют французское гражданство. Кроме того, государство-участник отмечает, что такой подход приведет к дискриминации, поскольку он обеспечит гражданам государства-участника, находящимся за границей, большую защиту, чем негражданам. Такая ситуация противоречила бы логике Конвенции, которая заключается в том, чтобы защитить от нарушений Конвенции государствами-участниками всех людей, независимо от их гражданства.

4.8 Государство-участник подчеркивает, что согласие с аргументацией, выдвинутой авторами, фактически означало бы признание универсальной юрисдикции государства, поскольку сам факт непринятия государством-участником мер в связи с их ходатайством о репатриации означал бы, что юрисдикция Франции распространяется на детей, содержащихся под стражей в северо-восточной части Сирийской Арабской Республики, и что французские власти несут ответственность за жестокое обращение, которому дети предположительно подверглись в этой стране. По мнению государства-участника, это означало бы, что любой гражданин может, таким образом, обратиться с просьбой о вмешательстве государства своего гражданства в связи с ситуацией, в которой он оказался на территории другого суверенного государства, с тем чтобы первое государство в случае отказа вмешаться стало бы ответственным за возможные нарушения Конвенции, совершенные в другом государстве или другим государством. Из этой логики вытекает, что юрисдикция государства будет распространяться на ситуацию за рубежом, над которой оно не имеет контроля, только на том основании, что нарушение продолжается в силу его предполагаемого бездействия. Такой подход налагает на государства позитивные обязательства вмешаться и положить конец всем нарушениям прав детей, совершаемым в других государствах, когда их об этом просят, в том числе путем использования военных средств. Это создаст серьезные международно-правовые проблемы, поскольку такой подход, скорее всего, будет противоречить принципу суверенитета государства, на территории которого было совершено предполагаемое нарушение. Кроме того, он потенциально распространяет юрисдикцию государств-участников за рамки тех обязательств, которые они взяли на себя, ратифицировав Конвенцию.

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника

5.1 28 августа 2019 года авторы представили свои комментарии в ответ на замечания государства-участника. Авторы напоминают, что на сегодняшний день три лагеря на севере Сирийской Арабской Республики остаются под контролем сил сирийских курдов. Они также вновь заявляют о том, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, поскольку не существует никаких доступных и эффективных правовых инструментов, которые заставили бы государство-участник принять необходимые защитные меры.

5.2 Авторы напоминают, что в соответствии со статьей 5 Факультативного протокола сообщения могут представляться лицом или группой лиц или от их имени. Авторы являются прямыми родственниками детей (бабушки и дедушки). Согласие, на которое ссылается государство-участник, не является тем критерием, который с очевидностью вытекает из судебной практики Комитета или из какого-либо положения Конвенции. Такой критерий сделал бы практически невозможным применение Конвенции к разлученным с семьями детям, находящимся в зоне конфликта. Напротив, в пункте 2 статьи 5 Факультативного протокола указывается, что сообщения, представляемые от имени отдельных лиц, должны представляться с их согласия, за исключением тех случаев, когда автор может обосновать свои действия от их имени без такого согласия. В данном случае речь в сообщении идет о детях в возрасте от 2 до 16 лет, которые не могут понять, что поставлено на карту, и никоим образом не могут выразить свое мнение или дать согласие. Кроме того, отсутствие средств коммуникации (смартфона, компьютера или даже бумаги) делает физически невозможным продемонстрировать такое согласие Комитету. Однако матери дали авторам по телефону свое согласие на представление сообщений. Наконец, приемлемость сообщения должна оцениваться прежде всего исходя из необходимости наилучшего обеспечения интересов ребенка, а рассматриваемые сообщения явно служат наилучшим интересам детей, поскольку цель заключается в том, чтобы положить конец их содержанию под стражей в плачевных и опасных для жизни условиях.

5.3 Что касается сообщения № 79/2019, авторы напоминают, что необходимость наличия семейной книжки для подтверждения родства с матерями детей не является формальным требованием для цели установления родства между детьми и их родителями. Тем не менее авторы представляют семейные документы, свидетельствующие об их родственных связях с М.А., А.А., Ж.А., А.А., Р.А. и С.Х.

5.4 Что касается юрисдикции государства-участника, то авторы подчеркивают, что государство-участник не только отказало в ходатайстве о репатриации, но и, несмотря на многочисленные сигналы тревоги, отказалось положить конец серьезным нарушениям основных прав указанных французских несовершеннолетних, что в сложившейся ситуации могло сделать только оно.

5.5 26 сентября 2019 года авторы сообщения № 79/2019 представили доклад, принятый Национальной консультативной комиссией по правам человека на пленарном заседании. Комиссия пришла к выводу о том, что дальнейший отказ репатриировать всех детей, имеющих французское гражданство и содержащихся в лагерях в Рожаве, стал бы явным нарушением основных прав и серьезным посягательством на ценности Французской Республики, включая ее Конституцию, а также на принцип наилучшего обеспечения интересов детей. В этой связи Комиссия обратилась к государству-участнику с призывом как можно скорее вернуть детей и их родителей, находящихся в настоящее время с ними, на французскую землю.

Дополнительные замечания государства-участника

6. В своем представлении от 17 декабря 2019 года в отношении сообщения № 79/2019 государство-участник проинформировало Комитет о том, что 9 декабря 2019 года С.Х. и его мать были в административном порядке высланы турецкими властями во Францию. По прибытии во Францию С.Х. был передан под опеку компетентного судебного органа — Управления по социальному обеспечению детей. Таким образом, С.Х. больше не содержится в лагере, контролируемом Сирийскими

демократическими силами, и не подвергается предполагаемым нарушениям прав, закрепленных в Конвенции. В этой связи государство-участник просит Комитет объявить сообщение в отношении С.Х. неприемлемым как явно необоснованное в соответствии со статьей 7 f) Факультативного протокола к Конвенции.

Дополнительные замечания авторов

7. В своем представлении от 20 июля 2020 года в отношении сообщения № 79/2019 авторы заявляют, что сообщение не следует объявлять неприемлемым в отношении С.Х. Они утверждают, что С.Х. в течение почти двух лет произвольно содержался в лагере Айн-Исса в условиях, которые негативно сказались на его психологическом и физическом состоянии, без каких-либо мер защиты со стороны государства-участника, несмотря на многочисленные просьбы со стороны его семьи. С.Х. и его мать были изгнаны курдскими силами из лагеря Айн-Исса и вынуждены были скрываться от других вооруженных групп. В конце концов, им удалось бежать в Турцию. Лишь после этого государство-участник согласилось на их репатриацию во Францию в соответствии с «Протоколом Казнёва», согласно которому французские граждане, задержанные в Турции по возвращении из Сирийской Арабской Республики, должны быть переданы французским властям. По мнению авторов, государство-участник не может утверждать о неприемлемости сообщения в этой связи, поскольку Франция была принуждена репатриировать С.Х. турецкими властями. Последствия нарушений Конвенции сохраняются, и авторы просят Комитет объявить утверждения о нарушении статей 2, 3, 6, 20, 24 и 37 приемлемыми в отношении С.Х.

Материалы, представленные третьими сторонами

8.1 По приглашению Комитета три эксперта³⁰ из Консорциума по экстерриториальным обязательствам и группа в составе 31 эксперта из различных университетов 10 июня 2020 года представили свое мнение третьей стороны по вопросу об экстерриториальных обязательствах в области прав человека.

Представление Консорциума по экстерриториальным обязательствам

8.2 Вначале эксперты сослались на Маастрихтские принципы, касающиеся экстерриториальных обязательств государств в области экономических, социальных и культурных прав, и отметили, что государство обязано уважать, защищать и осуществлять экономические, социальные и культурные права в ситуациях, когда его действия или бездействие приводят к предсказуемым последствиям для их осуществления как на его территории, так и за ее пределами³¹. Они добавили, что международное право запрещает экстерриториальную юрисдикцию, обеспеченную правовой санкцией, если только это явно не разрешено обычным правом или международным договором³². В соответствии с международным обычным правом государства имеют право и, возможно, даже обязанность защищать своих собственных граждан, а защита детей является приоритетной задачей³³. Кроме того, осуществление предписательной (нормативной) или судебной экстерриториальной юрисдикции допускается только в той мере, в какой существует достаточная связь между государством, осуществляющим ее, и экстерриториальным событием, на которое может быть распространено действие правовой нормы или судебного решения.

8.3 В данном случае: а) государство-участник не приняло мер для защиты и осуществления прав детей в кратчайшие сроки, максимально задействовав имеющиеся

³⁰ Ана Мария Суарес Франко (международная организация ФИАН), Марк Гибни (Университет Северной Каролины в Эшвилле, Соединенные Штаты Америки, и Институт Рауля Валленберга в Лунде, Швеция) и Ниту Шарма (Центр по проблемам детей и права при Национальной школе права Индийского университета, Индия).

³¹ См. www.fidh.org/IMG/pdf/maastricht-eto-principles-uk_web.pdf.

³² Permanent Court of International Justice, *The Case of the S.S. Lotus (France v. Turkey)*, judgment of 7 September 1927.

³³ Andrew W.R. Thomson, "Doctrine of the protection of nationals abroad: rise of the non-combatant evacuation operation", *Washington University Global Studies Law Review*, vol. 11 No. 3 (2012).

ресурсы; b) ущерб был предсказуем; c) государство-участник имеет возможность оказывать решающее влияние или принимать меры; d) государство-участник имеет право осуществлять юрисдикцию в данном случае, поскольку оно имеет возможность использовать свои полномочия; e) государство-участник обязано защищать детей, создавая условия для того, чтобы они могли пользоваться своими правами, в том числе путем освобождения их из лагерей; и f) осуществление обязательства государства-участника защищать права детей не должно оставляться на усмотрение других государств.

8.4 Эксперты пришли к выводу о том, что Комитет должен принимать решения исходя из необходимости наилучшего обеспечения интересов детей. Отказ от принятия дела к рассмотрению приведет к тому, что предполагаемые жертвы будут лишены доступа к правосудию. Эксперты добавили, что с точки зрения юрисдикции государства-участника или Комитета нет никаких оснований для признания сообщения неприемлемым. Наконец, государство-участник могло бы принимать меры, основываясь на принципах международного сотрудничества, или осуществлять дипломатические меры, которые обеспечивали бы уважение международных принципов, касающихся суверенитета государств. Таким образом, вступившая в дело третья сторона рекомендовала Комитету признать данное дело приемлемым.

Совместное представление группы в составе 31 научного эксперта³⁴

8.5 Эксперты отметили, что в соответствии с Конвенцией о правах ребенка экстерриториальная юрисдикция не исключается и что в подготовительных материалах прямо указывается, что принцип территориальности не применим к Конвенции³⁵. Государства — участники Конвенции действительно несут

³⁴ Авторы: Воутер Ванденхоле и Гамзе Эрдем Тюркелли (Исследовательская группа по проблемам права и развития, Антверпенский университет, Бельгия), Меда Кузенс (Западно-Сиднейский университет, Австралия, и Университет Квазулу-Натал, Южная Африка) и Тон Лифаард и Крис Санделуоски-Босман (Лейденская школа права, Лейденский университет, Нидерланды). Подписавшие стороны: Карин Артс (Международный институт социальных исследований в Гааге, структурно входящий в Университет им. Эразма Роттердамского, Роттердам, Нидерланды), Уоррен Бинфорд (Колледж права при Университете Уилламетта, Соединенные Штаты), Лаура Карпането (Генуэзский университет, Италия), Пабло Сериани Сернадас (Национальный университет Лануса, Аргентина), АоиФ Дэли (Европейская группа по правам ребенка, Ливерпульский университет, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии), Бина Д'Коста (Департамент международных отношений, Австралийский национальный университет, Австралия), Эллен Десмет (Гентский университет, Бельгия), Яп Э. Дук (Университет Вридже, Амстердам, Нидерланды), Николас Эспехо Яксич (Центр конституционных исследований Верховного суда Мексики и Колледж Эксетера, Оксфордский университет, Соединенное Королевство), Майкл Гарсия Боченек (Институт по изучению прав человека, Колумбийский университет, Соединенные Штаты), Кэтрин Холлингсворт (Ньюкаслский университет, Соединенное Королевство), Урсула Килкелли (Школа права, Университетский колледж Корка, Ирландия), Талия Крюгер (Антверпенский университет, Бельгия), Ерней Летнар Чернич (Факультет управления и европейских исследований, Новый университет, Словения), Лаура Ланди (Школа общественных наук, образования и социальной работы, Королевский университет, Белфаст, Соединенное Королевство), Николас Манн (Университет Уаикато, Новая Зеландия), Манфред Новак (Глобальный кампус прав человека, Венеция, Италия), Ноам Пелег (Факультет права, Университет Нового Южного Уэльса, Австралия), Петер Р. Родригес (Лейденский университет, Нидерланды), Кирстен Сандберг (Факультет публичного и международного права, Университет Осло, Норвегия), Джулия Слот-Нильсен (Лейденский университет, Нидерланды, Университет Западно-Капской провинции, Южная Африка), Хелен Стэлфорд (Европейская группа по правам ребенка, Ливерпульский университет, Соединенное Королевство), Ребекка Торбурн Стерн (Уппсальский университет, Швеция), Тара Ван Хо (Школа права и Центр прав человека, Эссекский университет, Соединенное Королевство) и Джинске Верхеллен (Факультет междисциплинарных правовых исследований, частного права и коммерческого права, Гентский университет, Бельгия).

³⁵ В одном из первых проектов пункта 1 статьи 2 применимость Конвенции о правах ребенка прямо увязывалась с юрисдикцией и территорией государства. Условие территориальности в конечном итоге было намеренно исключено из текста статьи 2, а в ее окончательном варианте нашла отражение лишь концепция юрисдикции, причем отмечается, что в намерение сторон, разработавших Конвенцию, не входило придать юрисдикции исключительно

обязательства в отношении прав детей за пределами своей территории³⁶. В контексте миграции Комитет постановил, что в соответствии с Конвенцией государства должны нести определенную экстерриториальную ответственность за защиту детей, которые являются их гражданами и находятся за пределами их территории, путем разработки учитывающей интересы детей консульской политики и услуг³⁷ или даже путем принятия мер «с целью оказания содействия безопасному, добровольному и достойному возвращению сирийских детей»³⁸. Связь между государством-участником и детьми через их французское гражданство не оспаривается государством-участником. Кроме того, существуют примеры государств, расширяющих свою юрисдикцию в отношении детей, затронутых терроризмом³⁹. Кроме того, многие структуры Организации Объединенных Наций рекомендовали государствам-членам создать условия для возвращения иностранных боевиков и членов их семей, включая детей⁴⁰.

8.6 Вопрос заключается в том, может ли непринятие государством мер для защиты прав своих граждан, являющихся детьми, за рубежом, повлечь за собой международно-правовую ответственность за нарушения прав, закрепленных в Конвенции. В существующей судебной практике Европейского суда по правам человека и Межамериканского суда по правам человека вопрос фактически ставится иначе. Подход к этому вопросу должен заключаться в том, чтобы исключить из него фактор территориальности, как предложил судья Джованни Бонелло в своем согласном мнении по делу *Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства*. Вкратце, судья Бонелло отметил, что «юрисдикция возникает из одного лишь факта принятия на себя обязательств [в области прав человека] и наличия возможности для их выполнения (или невыполнения)».

8.7 По мнению экспертов, характер экстерриториальных обязательств, возлагаемых на государство-участник, можно было бы толковать по аналогии с ситуацией, когда на одной и той же территории свою юрисдикцию осуществляют одновременно несколько государств. Таким образом, хотя государство-участник не имеет эффективного контроля в этом районе, оно несет позитивные обязательства принимать все необходимые меры и использовать все имеющиеся в его распоряжении правовые и дипломатические средства для защиты прав детей⁴¹.

8.8 Вступившая в дело третья сторона делает вывод о том, что следует принимать во внимание следующие контекстуальные аспекты: а) серьезный риск причинения непоправимого вреда и ситуация крайней уязвимости детей; б) неспособность родителей защитить своих детей; в) неспособность или нежелание территориального государства распространить свою юрисдикцию на детей; г) способность государства-

территориальный характер. Bruce Abramson, *A Commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child. Article 2: The Right of Non-Discrimination* (Martinus Nijhoff Publishers, 2008); Maarten den Heijer and Rick Lawson, "Extraterritorial human rights and the concept of 'jurisdiction'", in *Global Justice, State Duties: The Extraterritorial Scope of Economic, Social and Cultural Rights in International Law*, Malcolm Langford and others, eds., (Cambridge University Press, 2013); Sharon Detrick, ed., *The United Nations Convention on the Rights of the Child: A Guide to the "Travaux Préparatoires"* (Martinus Nijhoff Publishers, 1992).

³⁶ См., в частности, Den Heijer and Lawson, "Extraterritorial human rights and the concept of 'jurisdiction'"; Detrick, *The United Nations Convention on the Rights of the Child*; и Wouter Vandenhoe, "Economic, social and cultural rights in the CRC: is there a legal obligation to cooperate internationally for development?", *International Journal of Children's Rights*, vol. 17, No. 1 (2009) pp. 23–63.

³⁷ Совместное замечание общего порядка № 4 Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей/№ 23 (2017) Комитета по правам ребенка, пп. 17 е) и 19.

³⁸ CRC/C/SYR/CO/5, п. 47.

³⁹ Rik Coolsaet and Thomas Renard, "Foreign fighters and the terrorist threat in Belgium", Royal Institute for International Relations, 10 January 2020; Германия, Высший административный суд Берлина и Бранденбурга, решение от 6 ноября 2019 года о репатриации немецких членов ИГИЛ; The New Arab, "Syrian Kurds repatriate Islamic State orphans to Austria", 3 October 2019; Australia, Counter-Terrorism (Temporary Exclusion Orders) Act 2019, sects. 10 (3)–(4).

⁴⁰ A/HRC/40/28, п. 66; A/HRC/40/52/Add.2, п. 47.

⁴¹ European Court of Human Rights, *Ilascu and others v. Moldova and Russia*.

участника защищать своих граждан путем осуществления своего права на дипломатическую защиту; и е) тот факт, что упомянутые факторы препятствуют чрезмерному распространению экстерриториальной юрисдикции государства гражданства, ограничивая ее применение исключительными ситуациями. Поэтому эксперты считают, что Комитету следует разработать гибкий и акцентированный на права ребенка подход к экстерриториальному применению Конвенции, который соответствовал бы все более сложным контекстам, правовым и фактическим, и учитывал бы, что для соответствующих детей ставки являются исключительно высокими. В основу такого подхода могли бы лечь основополагающие принципы, сформулированные Комитетом в его замечании общего порядка № 16 (2013 год), особенности Конвенции и контекстуальные факторы.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

9.1 В соответствии с правилом 20 своих правил процедуры, прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

9.2 Авторы утверждают, что в контексте всех ходатайств о защите и/или репатриации детей и их матерей внутренние средства правовой защиты являются недоступными и неэффективными. Комитет далее отмечает, что это утверждение не было оспорено государством-участником. Поэтому Комитет считает, что в соответствии с положениями пункта е) статьи 7 Факультативного протокола ничто не мешает считать сообщение приемлемым.

9.3 Комитет принимает к сведению не оспоренное авторами заявление государства-участника о том, что С.Х. и его мать были репатриированы из Турции во Францию 9 декабря 2019 года. В свете этой информации Комитет считает, что сообщение, в основу которого легла жалоба на нежелание государства-участника репатриировать С.Х., утратило актуальность, и поэтому его рассмотрение следует прекратить.

9.4 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что авторы не доказали, что они действовали с согласия детей или их матерей, вопреки требованиям статьи 5 Факультативного протокола. Комитет принимает к сведению аргумент авторов о том, что: а) сообщения касаются детей в возрасте от 2 до 16 лет, которые не могут понять значение происходящего и не смогли дать своего согласия; б) отсутствие средств коммуникации делает физически невозможным продемонстрировать согласие Комитету; в) матери дали по телефону авторам свое согласие на подачу сообщений; и d) сообщения явно служат цели наилучшего обеспечения интересов детей, поскольку цель заключается в том, чтобы положить конец их содержанию под стражей в плачевных и опасных для жизни условиях. Комитет напоминает, что, согласно пункту 2 статьи 5 Факультативного протокола, если сообщение представляется от имени лица или группы лиц, это делается с их согласия, за исключением тех случаев, когда автор может обосновать свои действия от их имени без такого согласия. Комитет не разделяет оценку авторов, считающих, что возраст детей не позволял им дать согласие на то, чтобы авторы действовали от их имени в Комитете. За исключением самых маленьких детей все другие дети должны считаться способными сформулировать свое мнение и дать свое согласие в этом отношении. Вместе с тем Комитет отмечает, что в конкретных обстоятельствах рассматриваемых дел дети имеют ограниченный контакт с авторами через своих матерей, которые в качестве опекунов также дали свое согласие по телефону. У них нет реальной возможности дать письменное согласие, и сообщения, как представляется, были поданы в целях наилучшего обеспечения их интересов и защиты и поощрения их прав. В этой связи Комитет приходит к выводу, что статья 5 Факультативного протокола не является препятствием для признания настоящих сообщений приемлемыми.

9.5 Что касается вопроса о юрисдикции, то Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что оно не может нести ответственность за ситуации, которые оно не создавало, над которыми оно не имеет эффективного

контроля и которые вызваны действиями других государств или негосударственных субъектов, исключительно на том основании, что дети являются его гражданами. Государство-участник далее утверждает, что дети не подпадают под его юрисдикцию, поскольку они не находятся под его эффективным контролем либо через его агентов, либо через местный орган власти, над которым государство-участник имеет контроль.

9.6 Комитету предлагается определить, обладает ли государство-участник юрисдикцией *ratione personae* над детьми, содержащимися в лагерях на северо-востоке Сирийской Арабской Республики. Комитет напоминает, что в соответствии с Конвенцией государства обязаны уважать и обеспечивать права детей в пределах своей юрисдикции, однако Конвенция не ограничивает юрисдикцию государства «территорией»⁴². Государство может также обладать юрисдикцией над действиями, которые совершаются или приводят к последствиям за пределами его национальных границ⁴³. В контексте миграции Комитет постановил, что в соответствии с Конвенцией государства должны брать на себя экстерриториальную ответственность за защиту детей, являющихся их гражданами, за пределами своей территории, действуя через механизм консульской защиты с учетом интересов детей и соблюдением их прав человека⁴⁴. В своем решении по делу *С.Е. против Бельгии* Комитет счел, что Бельгия обладает юрисдикцией для обеспечения прав ребенка, находящегося в Марокко, который был разлучен с бельгийско-марокканской парой, взявшей его на воспитание в рамках системы *кафала*⁴⁵.

9.7 В данном случае, по мнению Комитета, не вызывает сомнений, что государство-участник было проинформировано авторами о ситуации крайней уязвимости детей, которые содержались в лагерях беженцев в зоне конфликта. На международном уровне сообщалось о плачевных условиях содержания под стражей, и о них обращалось внимание государств-участников в разных жалобах, поданных авторами на национальном уровне. Условия содержания под стражей создают угрозу непоправимого вреда жизни детей, их физической и психической неприкосновенности и их развитию⁴⁶. Комитет признает, что эффективный контроль над лагерями осуществлялся негосударственным субъектом, который публично заявил о том, что у него нет ни возможностей, ни желания заботиться о детях и женщинах, содержащихся в лагерях, и что он ожидает, что страны, гражданами которых они являются, будут репатриировать их. Комитет также отмечает, что Независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике рекомендовала странам происхождения иностранных боевиков принять незамедлительные меры для скорейшей репатриации таких детей. С учетом обстоятельств рассматриваемого дела Комитет отмечает, что государство-участник как государство, гражданами которого являются дети, имеет возможность и полномочия обеспечивать защиту прав соответствующих детей путем принятия мер по их репатриации или оказывать им консульскую поддержку⁴⁷. К этим обстоятельствам относятся отношения государства-участника с курдскими властями, готовность последних к сотрудничеству и тот факт, что с марта 2019 года государство-участник уже репатриировало по меньшей мере 17 французских детей из лагерей в Сирийском Курдистане.

⁴² Территориальная юрисдикция была намеренно исключена из пункта 1 статьи 2 Конвенции. См. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, *Legislative History of the Convention on the Rights of the Child: Volume 1*, (New York, United Nations, 2007), pp. 332–333.

⁴³ A/70/303, п. 33;

www.ohchr.org/Documents/Issues/Terrorism/UNSRsPublicJurisdictionAnalysis2020.pdf, para. 8.

⁴⁴ Совместное замечание общего порядка № 4 Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 23 Комитета по правам ребенка, пп. 17 е) и 19.

⁴⁵ CRC/C/79/D/12/2017.

⁴⁶ См. документ зала заседаний, представленный Независимой международной комиссией по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике Совету по правам человека на его сорок третьей сессии.

URL: www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/session42/Pages/ListReports.aspx.

⁴⁷ Там же, п. 99 с).

10. В свете вышеизложенного Комитет делает вывод о том, что государство-участник действительно осуществляет юрисдикцию в отношении детей, являющихся объектом сообщений № 79/2019 и № 109/2019, и что утверждения авторов по статьям 2, 3, 6, 20, 24 и 37 Конвенции являются достаточно обоснованными. Комитет признает сообщение приемлемым.

11. Таким образом, Комитет постановляет:

- a) прекратить рассмотрение сообщения № 79/2019 в отношении С.Х.;
 - b) признать сообщения № 79/2019 и № 109/2019, поданные от имени остальных детей, приемлемыми в той мере, в какой в них поднимаются вопросы, касающиеся статей 2, 3, 6, 20, 24 и 37 Конвенции;
 - c) препроводить настоящее решение автору сообщения и, для информации, государству-участнику.
-